

В зависимости от количества сотрудников, привлеченных к рассмотрению поступившего заявления или сообщения о преступлении, следует вести речь об индивидуальной (единоличной) или групповой (коллегиальной) форме организации проверки по материалам. Рассматривая индивидуальную (единоличную) форму организации проверки по материалам, необходимо констатировать, что отдельные уголовно-процессуальные нормы (ч. 4 ст. 38, п. 7 ч. 2 ст. 35 УПК) содержат по этому поводу прямое указание. В свою очередь, групповая (коллегиальная) форма организации проверки по материалам присуща деятельности следственно-оперативной группы в дежурные сутки, компетенция которой регламентирована Инструкцией о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства, утвержденной постановлением от 26 декабря 2016 г. № 36/278/338/77/42/7/32/17/28.

Принимая во внимание, что уголовно-процессуальный закон констатирует возможность проведения проверки органом уголовного преследования, формы ее организации с учетом данного обстоятельства могут быть классифицированы в зависимости от того, сотрудник какого ведомства организует проведение проверки. Указанное позволяет выделить две группы форм организации проверки: ведомственные и межведомственные. В рамках ведомственной формы проверка заявления или сообщения о преступлении может быть организована органом дознания, следователем, прокурором с учетом особенностей их уголовно-процессуальных компетенций. В рамках межведомственной формы проверка заявления или сообщения о преступлении производится членами следственно-оперативной группы под непосредственным руководством следователя.

Таким образом, вышеизложенное позволяет констатировать, что организация проверки по материалам – это основанная на нормативных правовых актах, общенаучных и специальных знаниях деятельность, направленная на эффективное функционирование органа уголовного преследования по рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях, реализуемая в следующих формах: индивидуальной (единоличной) и групповой (коллегиальной); ведомственной и межведомственной.

УДК 343.126

А.С. Юргель

СООТНОШЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В рамках современного уголовного процесса Республики Беларусь такие меры пресечения, как запрет определенных действий и домашний арест, имеют важное значение в системе мер процессуального принуждения. В числе других мер пресечения они призваны обеспечивать эффективность уголовного преследования, а также способствовать защите прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Запрет определенных действий как мера пресечения был введен в УПК Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З. Данный правовой институт включает в себя семь видов запретов, применение которых направлено на ограничение возможности подозреваемого (обвиняемого) общаться с участниками уголовного процесса, посещать различные места и мероприятия, пользоваться средствами связи и т. д. В.В. Мелешко запрет определенных действий называет гибридной мерой пресечения, обосновывая это тем, что она сочетает в себе элементы как других мер пресечения (домашнего ареста), так и иных мер процессуального принуждения (временного отстранения от должности).

Взаимосвязь между запретом определенных действий и домашним арестом проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, согласно ч. 4 ст. 123¹ УПК контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов осуществляется посредством применения мер, установленных для домашнего ареста, включая ношение электронных средств контроля, ответы на контрольные звонки и явку в органы дознания. Практически идентичные способы контроля указывают на сходное содержание, характер воздействия и функциональное предназначение этих мер пресечения.

Во-вторых, домашний арест в соответствии со ст. 125 УПК может сопровождаться применением одного или нескольких запретов, предусмотренных мерой пресечения в виде запрета определенных действий. Это подразумевает, что в дополнение к ограничению свободы перемещения на субъекта могут быть наложены дополнительные ограничения, такие как запреты на общение с определенными лицами, на использование средств связи или сети Интернет. Комбинированное применение этих мер пресечения усиливает контроль за поведением лица.

В-третьих, в соответствии с ч. 2 ст. 119 УПК правом на применение рассматриваемых мер пресечения наделены идентичные субъекты: на стадии предварительного расследования – прокурор или его заместитель либо Председатель Следственного комитета, Председатель Комитета государственной безопасности или лица, исполняющие их обязанности, либо орган дознания или следователь с санкции прокурора или его заместителя, а на стадии судебного разбирательства – суд, при этом исполнение этих мер возлагается на органы дознания.

Таким образом, рассматриваемые меры пресечения находятся в системной корреляции, что обусловлено как порядком и условиями их применения в рамках уголовно-процессуального законодательства, так и сходством их содержания и целевой направленности.

Вместе с тем рассматриваемые меры пресечения имеют и существенные отличия. Запрет определенных действий представляет собой меру пресечения с более широким и многоаспектным содержанием. Его применение не ограничивается лишь местом жительства подозреваемого или обвиняемого. Запрет определенных действий в отличие от домашнего ареста не предусматривает обязательной полной или частичной изоляции субъекта от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях.

В контексте сопоставления запрета определенных действий с домашним арестом следует рассмотреть опыт регулирования запрета определенных действий в Российской Федерации. Данный правовой институт появился в уголовно-процессуальном законодательстве России несколько ранее, а именно: был закреплен Федеральным законом от 18 апреля

2018 г. № 72-ФЗ. Перечень запретов, содержащихся в УПК РФ, сходен с отечественным, однако отличается тем, что содержит запрет на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый или обвиняемый в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, но не содержит присущих УПК Республики Беларусь запретов пребывать в общем с потерпевшим жилым помещении и распоряжаться совместной собственностью; предпринимать попытки выяснить место пребывания потерпевшего, иных участников уголовного процесса. Введение отечественным законодателем дополнительного, в сравнении с законодательством Российской Федерации, запрета на пребывание в общем жилом помещении и запрета на предпринятие попыток выяснить место пребывания лица является закономерным и логичным, так как необходимость в их применении часто возникает в ходе практической деятельности. При этом игнорирование законодателем Республики Беларусь запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения вызывает определенное рода дискуссию.

С одной стороны, отсутствие в законодательстве Республики Беларусь нормы, позволяющей в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий налагать запрет на выход из жилого помещения, полагаем, направлено на сохранение дифференциации между рассматриваемыми мерами пресечения – домашним арестом и запретом определенных действий. Если бы в рамках запрета определенных действий допускалось ограничение свободы перемещения, аналогичное домашнему аресту, это привело бы к дублированию содержания запретов, предусмотренных обеими мерами. Данное решение законодателя направлено на то, чтобы каждая мера пресечения сохранила свою уникальную сферу применения и специфические функции в контексте уголовного процесса.

С другой стороны, если бы в запрет определенных действий в УПК Республики Беларусь был включен запрет на выход из жилого помещения, это могло бы фактически сделать меру пресечения в виде домашнего ареста излишней и привело бы к ее исключению из системы мер пресечения. Такое расширение запрета определенных действий обеспечило бы ему статус более универсальной меры, позволяя охватывать широкий спектр ограничений, включая как специфические запреты (например, управление транспортным средством), так и общие ограничения по перемещению, используемые в рамках домашнего ареста. Это привело бы к фактической консолидации функций обеих мер в одной.

Анализ соотношения мер пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста в уголовном процессе Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что хотя обе меры имеют свои уникальные характеристики и цели, следует констатировать их существенное сходство в части содержания налагаемых ими запретов и правоограничений. В настоящее время единственной существенной особенностью, позволяющей разграничить указанные меры, выступает присущий домашнему аресту запрет на выход из жилого помещения. Полагаем, что в случае включения в содержание запрета определенных действий ограничения на выход из жилого помещения эта мера содержательно будет включать в себя все ограничения, присущие домашнему аресту, что фактически исключит необходимость существования домашнего ареста как самостоятельной меры пресечения. Поглощение домашнего ареста запретом определенных действий может быть рассмотрено как одно из перспективных направлений функциональной оптимизации системы мер пресечения в Республике Беларусь.

УДК 343.1

М.М. Якубель

СРОКИ ВЕДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДАЕМЫХ ПО ФАКТАМ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН

В качестве одного из оснований к возбуждению уголовного дела в Республике Беларусь закреплено исчезновение лица, если в течение 10 суток с момента подачи соответствующего заявления проведенными в этот срок оперативно-розыскными мероприятиями установить его местонахождение не представилось возможным (п. 2 ст. 167 УПК). Уголовное дело в этом случае возбуждается не по признакам состава преступления, а по факту исчезновения лица, поэтому в постановлении о возбуждении уголовного дела не делается ссылка на статью УК (ч. 3 ст. 175 УПК).

Закрепление указанного основания является специфической особенностью отечественного уголовного процесса и не свойственно законодательствам других стран. В основу создания указанной нормы заложено предположение о том, что исчезновение человека может быть связано с совершением в отношении него противоправных действий. В этой связи возбуждение уголовного дела по факту исчезновения лица дает органам, ведущим уголовный процесс, возможность использовать весь предусмотренный УПК спектр процессуальных и следственных действий в целях обнаружения исчезнувшего лица, выяснения причин его исчезновения, а также в целях собирания доказательств, подтверждающих либо опровергающих криминальный характер его исчезновения.

Появление нового специфического основания к возбуждению уголовного дела предопределило образование отдельного массива уголовных дел, расследуемых по фактам безвестного исчезновения граждан. Следуя системному подходу при совершенствовании законодательства, в п. 6 ч. 1 ст. 246 УПК закреплена норма о возможности приостановления производства по такому уголовному делу в связи с необнаружением безвестно исчезнувшего лица. Приостановление предварительного следствия в этом случае допускается по истечении срока его производства (ч. 4 ст. 246 УПК).

Вместе с тем каких-либо указаний о возможности прекращения производства по такому уголовному делу по истечении определенного срока (в случае необнаружения безвестно исчезнувшего лица) в уголовно-процессуальном законе закреплено не было. Следует отметить, что при возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления, предусмотренного конкретной статьей УК, законом предусмотрена не только возможность приостановления производства предварительного следствия в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК), но и возможность последующего прекращения такого уголовного дела за истечением срока давности привлечения к уголов-